

ОБ ЭВОЛЮЦИИ ЮЖНОСЕВЕРЯНСКОГО ГОЛОВНОГО УБОРА С ОЧЕЛЬЕМ И ВЕНЧИКОМ (КОНЕЦ X – XI в.)

А.Г. Шпилев

(Россия, Курск, Курский государственный областной музей археологии)

Народный костюм является одной из важнейших составляющих традиционной культуры, а его эволюция отражает эстетические воззрения конкретного этноса на том или ином этапе его исторического развития. Данная работа посвящена истории развития одного из типов женского головного убора – головного убора с очельем и (или) венчиком, бытовавшего на Днепровском Левобережье в конце X – XI вв. и являвшегося частью женского костюма поздних северян, потомки которых стали одной из составляющих при сложении южной части русского народа¹.

К сожалению, женский головной убор северян IX – середины X вв. практически не поддается реконструкции в связи с господствовавшим у них погребальным обрядом (кремация на стороне). При изучении материалов поселений можно сделать вывод, что основным металлическим украшением головного убора этого времени служили пяти- и семилучевые височные кольца, среди которых господствующее место занимали кольца с ложнозерненным орнаментом. Повсеместное распространение в конце X в. подкуранных трупоположений приводит к тому, что материалы исследованных на Днепровском Левобережье захоронений не только позволяют в полном объеме представить набор металлических головных украшений, но и проследить их эволюцию, а так же воссоздать некоторые конструктивные особенности убора на который они крепились.

В первую очередь это относится к группе женских погребений, в состав инвентаря которых входили пластинчатые очелья² – билоновые ленты 45 – 46 см длины и 1,5 – 2 см ширины, сужающиеся края которых загибаются в петли-крючочки длиной 0,5 – 1 см (Рис.1). При поломке крючков-окончаний на концах очелий могли пробиваться сквозные отверстия, в которые или продевали шнурки для фиксации концов украшения, как это, возможно, было с «продырявленной на концах» серебряной лентой из кургана №4 в Глинске [Самокусов, 1908, с.218] или же прикрепляли какие-то предметы, подобные двум золотостеклянным бусинам, снятым с краев очелья в гочевском кургане №68 [Рыков, 1912, с.124-125]. Все известные автору левобережные очелья имеют неорнаментированную поверхность. Лишь однажды М.Д. Ренским в курганный группе в ур.«Горошков лес» у с. Скоробогатки (Полтавская обл., Украина) на голове погребенной был обнаружен «венчик с точечным орнаментом» [Шинаков, 1980а, с.80]. Впрочем, за орнамент исследователь мог принять и отверстия, пробитые по краю очелья для крепления к убору.

Сплав, из которого изготовлены очелья Днепровского Левобережья, делался на основе серебра (до 70 %) с добавлением меди, цинка (для понижения температуры плавления) и свинца (от 1,4 до 4 %). Высокая пластичность полученного материала позволяла, используя холодную ковку с отжигом, превращать проволоку-заготовку в тончайшую пластину миллиметровой толщины [Орлов, 1994, с.51].

¹ Потомки северян были одной из составляющих при сложении южной части русского народа и таким образом, являются предками современного русского населения Днепровского Левобережья. В отличие от русских, основой при формировании проживающих сегодня к востоку от Днепра украинцев были славяне Правобережной Украины, в первую очередь потомки летописных древлян [Алексеев, 1969, с.195]. Широкое расселение украинцев на Днепровском Левобережье произошло в XVI – XVII вв.

² Термин введен Е.А. Шинаковым, в дореволюционной литературе украшения этого типа назывались «венчиками», «налобниками» или «венцами».

Область распространения пластинчатых серебряных очелий с оформленными в виде крючков концами в основном охватывает районы, лежащие в верховьях рек Сулы, Псла и Ворсклы. Автор располагает сведениями о находке 61 очелья: Скоробогатки (2 экз.), Глинск (3 экз.), Броварки (6 экз.), Зеленый Гай (2 экз.), ур. «Песчаная Дача» у Сум (1 экз.), Горналь (6 экз.), Гочево (35 экз.), Липино (1 экз.), Городное (1 экз.), Ницахи (3 экз.) и Жидеевка (1 экз.). Форма окончаний четко зафиксирована в Гочево (Курская обл., Россия), Горнале (Курская обл., Россия), Городном (Харьковская обл., Украина), Глинске (Полтавская обл., Украина) и ур. «Песчаная Дача» (Сумская обл., Украина). Находки крючкоконечных очелий в центральных и северных областях Руси (Володино Вологодской обл.; Митино Московской обл.; Кветунь Брянской обл.) могут быть связаны с переселенцами, принесшими на новое место жительства привычный для себя тип украшений.

На трех памятниках Днепровского Левобережья зафиксированы очелья, имеющие отклонения от стандартных параметров и вида. В курганной группе у с. Ницахи (Ахтырский у. Харьковской губ.) на черепах трёх «молодых субъектов» были обнаружены очелья, состоящие из «тонко выкованной серебряной пластинки высокой пробы до 30 сантиметров в длину и 1½ – 2 сантиметров в ширину, несколько суженные и округленные на концах, в которых продевались сквозные отверстия для связывания... Венчик облегал голову от лба или темени до затылка, где концы его были связаны шелковым шнурком» [Мельник, 1905, с.696 - 697]. Очелья, ширина которых в 2 – 2,5 раза превышала стандартную были обнаружены в Броварках (Гадячский у., Полтавская губ.) (Рис.2, 2; Рис.6, 1,4) и, возможно, в кургане №106 Гочевского могильника (Курская обл., Россия), где П.С. Рыков расчистил обломки очелья, «весьма широкого в сравнении с прежде найденными», однако параметры находки приведены исследователем не были. Можно предположить, что данные отклонения имели локальный характер и были обусловлены иноэтничным влиянием, т.к. в Ницах в захоронении 2 кургана №28 на палец левой ноги погребенной был надет ложновитой серебряный перстень [Раскопки..., 1902, с.95], а в погребениях из Броварок и Гочево присутствовали этноопределяющие радимичские украшения (аксельбанты, гривны с розетками, круглые прорезные фибулы).

Делая попытку восстановить внешний вид погребального головного убора с очельем, автор исходит из того, что его основой служил полотняный платок. Об этом могут свидетельствовать остатки тканей, найденные на головах погребенных в Гочево (Беловский р-н Курской обл., Россия) и в курганной группе у «Песчаной дачи» под Сумами (Украина). Цвет полотнищ мог быть красным, т.к. П.С. Рыков в гочевском кургане №54 обнаружил на черепе погребенной «плохо сохранившиеся остатки материи красновато-коричневатого цвета» [Рыков, 1912, с.102-103], а С. Магура отмечал, что «під частиною вінчика, що вдхилилася в бік, видно декілька товстих кручених ниток брунатного кольору»³ [Магура, 1930]. Платок, вероятно, крепился на голове посредством завязывания его передних концов на затылке, а получившийся узел скрывала свободно спускавшаяся на спину задняя часть полотнища. Затем вдоль нижнего края платка размещалось очелье⁴, под которое для более плотной посадки могли помещать специальную подложку, подобную найденной в кургане №28 Ницахского могильника (Харьковская губ.) подкладки из бересты, которую сверху и снизу, «в виде бахромы», украшало несколько десятков серебряных кольцеобразных проволоочных колец разной величины и толщины (Рис.2, 1). По мнению Е.Н. Мельник, берестяной обруч сверху был покрыт тканью, в которую и продевались кольца, т.к. в уцелевших кусках бересты не было заметно дырочек от их крепления [Мельник, 1905, с.737]. В кургане №1 из Броварок (Полтавская губ.) под остатками сереб-

³ «Под частью венчика, что отклонилась в сторону, видно несколько толстых крученых ниток бордового цвета».

⁴ В статье, посвященной хронологии и периодизации гочевских погребальных комплексов с очельями и головными венчиками автор предположил, что задняя часть очелья была скрыта под платком [Шпилев, 2005, с.196]. Однако знакомство с материалами других курганных могильников говорит о том, что очелье все-таки охватывало головной убор со всех сторон.

ряного очелья «кое-где сохранились куски красной кожи в виде подкладки» [Хвойко, 1904, с.44], а в кургане №3 II группы Липинского могильника (Курская обл.) П.И. Засурцевым был обнаружен пришитый по краю на свернутую вдвое кожу фрагмент «налобника» из медной [возможно, окислившееся серебро – А.Ш.] пластины шириной 20 мм и толщиной 1 мм [Засурцев, 1949, с.17] (Рис.2, 3).

Впрочем, в случаях с очельями из Броварок и Липино можно осторожно предположить, что найденная под ними кожа являлась не остатками подложки, а фрагментами какого-то головного убора, похожего на кожаную шапочку из радимичского захоронения кургана №1 у с. Юдичи в Белоруссии [Сабурова, 1975, с.19] (Рис.3, 3).

В отличие от Липино, Броварок и Ницах ни в одном из гочевских захоронений с очельями не зафиксировано присутствие головных уборов на жесткой подкладке. Такая же ситуация отмечается в Горнале (Курская обл.), Глинске (Полтавская губ.) и Зеленом Гае (Сумская обл.). Возможно, это свидетельствует или об использовании здесь подложек из ткани, или об отсутствии их в головном уборе населения этих районов.

В ряде захоронений исследователи отмечали следы частичного или полного крепления очелья к головному убору. Т.к. эти случаи сравнительно редки, нужно рассматривать каждый из них индивидуально. Например, в Гочево единственное очелье с отверстиями для крепления к платку найдено в кургане №35 (Рыков 1912), где была похоронена очень старая женщина, вероятно, сделавшая это лишь с целью уменьшения количества операций, производимых во время надевания головного убора. В Липино же мы, вероятно, имеем дело с фактом потери очельем роли самостоятельного компонента головного убора и превращением его в декоративный элемент, что объясняется высокими темпами ассимиляции носителей роменской этнографической традиции в данном районе Курского края [Шинаков, 1991, с.90].

В ряде погребений на затылке под очельем были найдены браслетообразные височные кольца. Так, фрагменты очелья с большим височным кольцом под черепом обнаружены П.С. Рыковым в погребении из гочевского кургана №41 [Рыков, 1912, с.85-86], а в захоронении 3 кургана №1 под затылочной костью погребенной рядом с очельем находилось три больших браслетообразных серебряных с заходящими концами височных кольца и две бронзовых бубенчикообразных подвески. По мнению исследователя, «кольца были прикреплены к венчику или пришиты к материи на затылке и служили, таким образом, одной из частей головного убора» [Рыков, 1912, с.6-8] (Рис.4, 2).

Кроме Гочево подобное украшение было обнаружено в Ницах (Харьковская губ.), где в уже упоминавшемся комплексе из кургана №28 была найдена «часть человеческого черепа с остатками кожи, волос и сохранившимися концами венчика, серебряным кольцом и пучком шелковых шнурков» [Раскопки..., 1902, с.95] (Рис.2, 1), и в одном из погребений курганной группы «Песчаная дача» у г. Сумы (Сумская обл., Украина), в котором расположенное в районе затылка браслетообразное кольцо соседствовало со спиральным височным кольцом на виске⁵ (Рис.4, 1). Кроме затылка нитяные петли могли пришиваться к головному убору и в районе висков. Так, в Броварках (Полтавская губ.) во время раскопок кургана №6 В.В. Хвойко обнаружил «по обе стороны черепа по 3 височных кольца с кусочками парчи, к которой были пришиты петли, придерживавшие эти кольца» [Хвойко, 1904, с.46-47], а в гочевском кургане №LIV (Самоквасов 1909) лучевое височное кольцо после поломки было «прикреплено к головному убору покойницы посредством сохранившейся толстой нитки [Дневник, 1915, с.19]. Возможно, что и в кургане №28 из Ницах височные кольца на подложке очелья не продевались сквозь ткань подложки, а так же вдевались в идущие вдоль краев нитяные петли.

Кроме колец в области висков к головному убору с очельем могли крепиться и разноцветные шнурки или кисточки (Рис.2, 1, 4). Об этом, вероятно, свидетельствуют находки у висков погребенных пучков шелковых «шнурков» в кургане № 28 Ницахского могиль-

⁵ Часть погребения была вырезана из грунта и сейчас экспонируется в Сумском краеведческом музее.

ника и обнаруженная Д.Я. Самоквасовым в кургане LVI Гочевского некрополя кисточка шелковых ниток, перетянутых узелком [Дневник..., 1915, с. 20].

Нижнюю границу появления на территории Днепровского Левобережья пластинчатых очелий уточняют материалы денежно-вещевогоклада, найденного в 2003 г. у с. Жидеевка (Железнодорожный р-н Курская обл.) (Рис.5). Согласно имеющимся сведениям, в не-большом лепном сосуде были обнаружены следующие предметы: 1) фрагменты серебряного или билонового пластинчатого очелья; 2) два серебряных браслета с расширяющимися концами; 3) навершие кресала из серебра в виде грифона длиной 6,5 см и весом около 40 грамм, ближайшая бронзовая аналогия которого происходит из датированного X – началом XI вв. погребения №12 Веселовского могильника (Нижегородская обл., Россия) [Халиков, Безухова, 1960, с.47 – 48]; 4) 5 серебряных семилучевых височных колец с гравированным орнаментом на щитке. По типологии Е.А. Шинакова кольца относятся к типу Н (вариант 29) V группы, бытовавшим в конце X – начале XI вв. [Шинаков, 1980б, с.122]; 5) 320 дирхемов, из которых 297 обрезанных (диаметр 13 – 14 мм, некоторые имеют отверстия) и 23 снабженных бронзовыми петлями для привешивания. Среди монет присутствует дирхем, отчеканенный в Суваре в 341 г.х. Согласно сообщению П.Н. Петрова⁶, младшая куфическая монета клада датируется 364 г.х. (974/975 гг.); 6) византийский милиарисий Василия II и Константина VIII (976 – 1025 гг.). Согласно заключению В.С. Кулешова, монета относится к раннему типу (класс IIА по Ф. Гирисону), выпускавшемуся в 977 – 989 гг.⁷

Хронологические рамки входящих в состав Жидеевского клада предметов позволяют определить часть его предметов (очелье, браслеты, семилучевые височные кольца, монеты-привески) как комплекс металлических женских украшений северян, обитавших на северо-западе современной Курской области в последней четверти X в. (Рис.5, 3). Вероятно, именно к этому времени следует относить появление пластинчатых очелий на территории Курского края. Присутствие монеты из Сувары и зооморфного навершия кресала указывает на торговые связи курских северян с поволжским регионом, делая возможным предположение о том, что прототипом жидеевского очелья могли быть пластинчатые венчики, в X – XI вв. бытовавшие среди финно-угров Поволжья⁸.

Жидеевский клад входит в группу курских кладов (д. 2-я Воробьевка Золотухинский р-н, 1965 г., в фондах КОКМа 174 монеты, младшая Мансур бен Нух 365 г.х. (975/976 г.), определение В.П. Лебедева; с. Коренная Пустынь совр. Золотухинский р-н, 1903 г., Мансур Бен Нух (961 – 976 гг.), определение Т.А. Горохова; д. Волобуево совр. Курский р-н, 1947 г., Мансур Бен Нух 354 – 367 г.х. (964/65 - 977/78 гг.), определение В.П. Лебедева; д. 1-е Красниково (Котовец) Курский р-н, 2005 г., Мансур бен Нух 357 г.х. (967 г.), определение В.П. Лебедева), младшие монеты которых были отчеканены во второй половине 960-х – середине 970-х гг. Клады группы могли быть укрыты во время окончательного включения Курского Посеймья в состав Древнерусского государства, которое, по мнению автора, произошло сразу же после завершения русско-болгарской войны 985 г. [Шпилев, 2003, с. 351; Шпилев, 2007].

Огромная работа по систематизации и классификации украшений междуречья Десны и Ворсклы конца X – конца XIII в. была проделана Е.А. Шинаковым, который выделил 12 бытовавших на этих территориях комплексов, в некоторые из которых (II – V, VII) входили очелья и венчики. Однако в первую очередь исследователь рассматривал факт совокупного присутствия в каждом комплексе определенных типов украшений, причем опре-

⁶ Автор выражает признательность П.Н. Петрову за любезное сообщение о датировке дирхемной части Жидеевского клада.

⁷ Автор выражает признательность В.С. Кулешову за любезное определение византийской монеты из Жидеевского клада.

⁸ В состав погребального инвентаря финского трупосожжения X в. из кургана № 84 Тимеревского могильника входил узкий серебряный венчик с кружковым штампованным орнаментом и загнутыми крючком очень узкими концами [Левашева, 1968, с.92].

деляющим являлось наличие того или иного типа височных колец и их сочетание с другими украшениями (золото- и серебростеклянные бусы, очелья, головные венчики, лунницы, перстни). Только один раз головные венчики без очелий выделены в отдельный V комплексе [Шинаков, 1980а, л.26-30; Шинаков, 1991, с.86, 90].

В отличие от Е.А. Шинакова для нас определяющим является наличие в составе погребального инвентаря пластинчатого очелья и (или) головного венчика. При хронологических и этно-культурных построениях в качестве опорных материалов использовались комплексы Гочевского курганного могильника (Курская обл.), что объясняется качеством их научного описания и общим количеством захоронений (660 погребений в 651 кургане), исследованных Д.Я. Самоквасовым (1909 г.), П.С. Рыковым (1912 г.), В.С. Львовичем (1913 г.), В.Н. Глазовым (1913 г., 1915 гг.) и Г.Ю. Стародубцевым (с 1994 по 2002 гг.). Среди 168 достоверно женских погребений (по инвентарю или параметрам костяка) выделяется 50 комплексов (29,7%), в состав инвентаря которых входят билоновые очелья и головные венчики с пластинчатыми назатыльниками. Все выделенные комплексы четко распадаются на три группы:

Группа I (15 комплексов) содержит только очелья (Д.Я. Самоквасов 1909 г. – LVI, LXXIII, LXXVI, LXXXI, LXXXII, LXXXV; П.С. Рыков 1912 г. – 1, 41, 44, 58, 68, 106; В.С. Львович 1913 г. – 13; В.Н. Глазов 1913 г. – 13, 39). Из группы исключён находившийся в ней ранее сомнительный комплекс раскопанного В.С. Львовичем кургана №28, т.к. «венчик» оказался головным венчиком («тонкая гривна с широким сгибнем») [Отчёт ИАК..., 1918, с.170].

Кроме очелий в захоронениях I группы обнаружено 5 спиралевидных (1 погребение), 7 семилучевых (2 погребения) и 62 проволочных кольцеобразных (12 погребений: 40 браслетообразных⁹ в 7 погребениях, 11 перстневидных в 6 погребениях, размер 11 в 3 погребениях не известен) височных колец. Несмотря на то, что последний тип колец преобладает, непосредственно у черепа их найдено лишь 36 экземпляров (8 погребений). При этом только 23 кольца (4 погребения) располагалось у висков. 4 (2 погребения) обнаружено на затылке и 9 (3 погребения) в районе уха и нижней челюсти, в двух погребениях по одному височному кольцу было найдено у правого локтя, 3 в 1 погребении – у фаланг правой руки и 25 колец (7 погребений) входило в состав нагрудных ожерелий.

Интересно отметить, что в погребениях с браслетообразными височными кольцами на груди полностью отсутствуют браслетообразные височные кольца у черепа и наоборот и лишь в одном захоронении (курган № 41) кольца на груди и голове совмещались (присутствует так же кольцо на затылке). Возможно, обнаруженные на груди кольца были соединены друг с другом и представляли собой украшение типа цепи (Рис.8, I). Так, П.С. Рыков в кургане №41 отмечал наличие на ключице скелета пяти височных колец «составляющих как бы ожерелье» [Рыков, 1912, с.85-86]. Аналогичное украшение было найдено и в погребении 2 кургана № 28 в Ницах, где вокруг шеи скелета лежал «целый ряд разложившихся серебряных колец, продетых друг в друга в виде звеньев цепи» [Мельник, 1905, с.699].

В состав погребального инвентаря всех захоронений I группы так же входят бусы – стеклянные зонные, кольцеобразные, цилиндрические одноцветные (синие, желтые, зеленые), синие биконические, зонные орнаментированные (желтые с красной волной), ребристые цилиндрические, синие, зеленые, золото- и серебростеклянные лимоновидные пронизки, «треугольные» коричневые с желтыми глазками, синие белоромбические; золото- и серебростеклянные зонные, ребристые цилиндрические, цилиндрические, боченкообразные; сердоликовые бипирамидальные; аметистовые и «глиняные» (см. Приложение I), монетовидные и бубенчикообразные привески, бубенчики с крестообразной прорезью, 1 «аксельбант», браслеты (серебряные дровые с расширяющимися концами, бронзовые с заходящими концами, бронзовый петлеконечный витой), перстни (проволочные, «уса-

⁹ Диаметр браслетообразных от 2,5 см, диаметр перстневидных – до 2,5 см

тые», ложновитые, пластинчатые орнаментированные, один красный стеклянный), плоско-цилиндрическое шиферное пряслище с относительно широким (10 мм) внутренним отверстием, пуговицы, круглая прорезная фибула, железные ножи и три дротовые плоско-треугольного сечения гривны, заходящие концы которых оформлены в виде розеток¹⁰.

Типичным для I группы является комплекс вещей состоящий из очелья, браслетообразных височных колец у висков или на груди, ожерелья с золото- и серебростеклянными бусами, бубенчиков на правой (в большинстве случаев) стороне груди, дротовых браслетов с расширяющимися концами и металлических перстней. Возможно, комплексы с подобным набором относятся к погребениям местных представительниц летописной «северы», хотя спиральные височные кольца встречены в этой группе лишь однажды, в кургане LXXXII (Рис.6)¹¹.

Необходимо отметить, что среди гочевских погребений с очельями достаточно высока доля захоронений (6 комплексов из 15), принадлежащих представительницам отличных от местных северян этнокультурных образований. Так, три погребения (№1 и №106 Рыков 1912, №39 Глазов 1913) можно связать с женщинами из племенного союза радимичей. Они выделяются характерными шейными гривнами с окончаниями в виде розеток и ожерельями, состоящими из зонных синих, зеленых и желтых стеклянных бус, в большинстве случаев чередующихся с бронзовыми бубенчикообразными привесками. Мелкие зонные бусы дополняются стеклянными синими белоромбическими, желтыми цилиндрическими, средними и крупными зонными синими (от одинарной до четверной) бусами. В одном из захоронений присутствовал «аксельбант», вероятно, так же появившийся в Гочево вместе с радимичами. Бронзовый витой браслет с петлеобразными окончаниями из кургана №44 (Рыков 1912) характерен для вятических древностей XI – XIV вв. [Левашева, 1967, с.223], а орнаментированное семилопастное височное кольцо из кургана LVI (Самовасов 1909) типично для верхнедеснинских северян. Не совсем понятно происхождение женщины, погребенной в кургане №41 (Рыков 1912), т.к. в захоронении отсутствуют этноопределимые вещи, однако об иноэтничности этого комплекса может свидетельствовать не характерное для гочевских северян единовременное сочетание височных колец на груди (5 экз.), у висков (10 экз.) и на затылке (1 экз.). Подавляющее большинство похороненных в курганах I группы женщин принадлежит к племенам, входивших в роменско-боршевскую культурную общность и, очевидно, являвшихся родственницам «лучших мужей», переселенных на юго-восточную границу Руси в конце X в.

Факт нахождения очелий в захоронениях представительниц верхнедеснинских северян, радимичей и, предположительно, вятичей может свидетельствовать о включении принадлежавших к близкородственным этническим образованиям переселенцев в родоплеменные структуры гочевских северян и признании за ними статуса, которым те обладали в местах своего прежнего обитания.

В качестве иллюстрации вопроса о восприятии переселенцами элементов местного костюма уместно будет рассмотреть материалы исследованного В.В. Хвойко могильника у с. Броварки (Полтавская губ.). Для примера, возьмем материалы исследований кургана №4 (Рис.6, 4), в котором на глубине 75 см был обнаружен лежащий головой на запад женский скелет с вытянутыми вдоль тела руками. «Череп, на котором надет был серебряный венчик, был раздавлен и венчик в нескольких местах переломился; по сторонам черепа находились серебряные спирали. Около шеи и отчасти на груди покойницы найдены два или три ожерелья, состоящие из рядов разной величины металлических и орнаментиро-

¹⁰ Гривна из кургана №1 (Рыков 1912) на прорисовке не имеет розеток. Вероятно, навершия были утеряны позднее, т.к. во время расчистки погребения П.С. Рыков обнаружил «гривну с двумя круглыми выпуклыми шляпками».

¹¹ Возможно, мы имеем дело с какими локальными вариантами распространения разных типов височных колец на южносеверянских территориях. Так, спиральные височные кольца с очельями составляют абсолютное большинство в Глинске, Броварках, Скоробогатках и Сумах, соседствуют с браслетообразными в Зеленом Гае и Горнале, сравнительно редки в Гочево (36 экз. в 11 погр.) и совершенно отсутствуют в Ницах.

ванных бубенчиков и бус из стекловидной массы или стеклянных на золотой подкладке. На правое плечо спускалось с головы особое украшение в виде цепочки, от которой шло в разные стороны несколько других, оканчивающихся прорезным бубенчиком; на том же плече найдена круглая прорезная фибула. На правой руке покойницы надет бронзовый браслет, на пальцах по два кольца разного вида; около кисти правой руки железный ножик, с обтянутой местами серебряной проволокой, костяной ручкой, а в ногах глиняное расписное яичко, украшенное разноцветной глазурью» [Хвойко, 1904, с.44].

Большинство исследователей относит броварские комплексы к древностям северян, однако погребальный инвентарь кургана №4 является ярким примером смешения двух разноэтничных наборов украшений, в котором радимические компоненты (прорезная фибула, «аксельбант») дополнены южносеверянскими спиральными височными кольцами и пластинчатым очельем. Вероятно, именно смешением традиций обусловлено и то, что ширина броварских очелий превосходит северянские стандарты в 2 – 2,5 раза. Интересно отметить, что фрагменты единственного очелья «весьма широкого в сравнении с прежде найденными» из гочевского кургана №106 (Рыков 1912) были обнаружены вместе с радимической гривной («бронзовая гривна с двумя бляшками на загнутых вверх концах») [Рыков, 1912, л.162 – 164].

В отношении очелий В.В. Хвойко так же отмечал, что на их передней части «висело еще по несколько колец попеременно с привесками из *Suprea moneta*» [Хвойко, 1904, с.42]. На фотографии погребения из кургана №5 (Рис.6, 1) достаточно ясно видно, что эти кольца с раковинами продеты в пробитые сквозь очелье отверстия, что было совершенно не характерно для северянских комплексов. Всё вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что похороненные в Броварках женщины принадлежали к переселенным на юг радимичам, частично перенявшим местный комплекс украшений.

Необходимо отметить, что в ряде случаев исследователем были, вероятно, допущены ошибки при локализации некоторых встреченных в погребениях украшений. Так, пластинчатые сгибни головных венчиков он помещал на лбу захороненных женщин, а «аксельбанты» – в области висков. Последний случай рассмотрим подробнее, поскольку дореволюционная реконструкция комплекса украшений из броварского кургана №5 (Рис.6, 2) часто используется для иллюстрации посвященных северянским древностям материалов. На этой реконструкции «аксельбант» прикреплен непосредственно к очелью, что следует из прямого указания В.В. Хвойко [Хвойко, 1904, с.46]. К сожалению, на помещенной в статье фотографии погребения «аксельбанта» нет, в связи с чем его точное местоположение установить не представляется возможным. Это делает необходимым поиск аналогий, из которых ближайшей является вышеописанное погребение из кургана №4 этого же могильника с полным совпадением описания местонахождения «аксельбанта» – «на правое плечо погребенной спускалось с головы особое украшение в виде цепочки, от которой шло в разные стороны несколько других, оканчивающихся прорезным бубенчиком». Однако на фотографии этого погребения (Рис.6, 4) четко видно, что основная часть «аксельбанта» размещается ниже фибулы, что, учитывая размеры украшения, говорит о его креплении не в районе виска, а на плече. Об этом же свидетельствуют и все известные автору находки подобных украшений, четко локализующиеся находчиками на плечах и груди погребенных. Например, в Гочево П.С. Рыков в погребении 3 кургана №11 обнаружил на левой ключице скелета «железный предмет в виде дужки с тремя витой проволоки тяжами, к которым привешены два бубенчика, а к третьему тяжу прикреплено железное кольцо, держащее еще три тяжа, лежащих на левой плечевой кости. Здесь к тяжам прикреплены также 2 бубенчика, а к третьему среднему тяжу привешен полый яйцевидной формы шар с золотой насечкой ... и с четырьмя глазками синего стекла по сторонам. Таким образом, получился как бы аксельбант, падавший с плеча на руку» [Рыков, 1912, с.25 - 26]. Вдоль

левой руки у плеча лежали и «аксельбанты», обнаруженные В.А. Падиным в курганах №4 и №5 Кветуньского могильника [Падин, 1958. С.222, 223]¹².

Таким образом, при реконструкции погребения из броваркского кургана №5, часто используемого в качестве образцового северянского комплекса украшений, по мнению автора, «аксельбант» необходимо помещать в районе плеча, а на голове следует изображать убор с окрашенной в красный цвет жесткой кожаной основой типа радимичской кожаной шапочки из Юдичей, являвшемся наиболее эффективным для фиксации обнаруженных в Броварках широких пластинчатых очелей (Рис.6, 3).

Опираясь на материалы гочевских погребений с очельями попытаемся определить хронологические рамки их бытования. В составе пяти (из 15) гочевских комплексов с очельями присутствуют предметы, имеющие достаточно узкую хронологическую датировку (конец X – первая четверть XI вв.) – синие призматические белоромбические (курган №1 Рыков 1912, курган №39 Глазов 1913), зонные желтые с красным волнистым орнаментом (курган №41 Рыков 1912), цилиндрические рубленные посеребренные с «винтовой нарезкой» (курган №68 Рыков 1912), гривны с орнаментом «волчий зуб» (курган №1 Рыков 1912, курган №39 Глазов 1913) и круглый красный стеклянный перстень с уплощенной внутренней стороной (курган №58 Рыков 1912).

Согласно Ю.Л. Щаповой, на территории Руси полные аналогии этому византийскому украшению были найдены только в Новгороде. Один из двух новгородских перстней датируется началом XI в. (25-й ярус, построен в 1006 г.), второй – третьей четвертью этого же столетия (22-й ярус, построен в 1076 г.). По мнению исследовательницы, немногочисленность и редкая схожесть гочевских и новгородских находок делает возможным предположение об изготовлении этих предметов жившим в Киеве мастером-византийцем [Щапова, 1972, с.98]. Поскольку продолжительность деловой активности мастера в середине века не превышала 25 – 30 лет [Щапова, 1991, с.159], время появления этих перстней так же укладывается в конец X – первую треть XI вв. Выпадение второго новгородского перстня в слой третьей четверти XI столетия могло быть обусловлено самыми разнообразными причинами субъективного характера (передача внутри семьи, случайная находка при нарушении культурного слоя и т.п.).

Погребения с очельями и датирующими предметами найдены так же в Глинске и Кветуне. В Глинске (Полтавская губ.) в погребальный инвентарь кургана №3 (I группа, раскопки Д.Я. Самоквасова) входило крючкоконечное очелье, 5 спиральных височных колец, две нитки ожерелья: 1) бусы стеклянные: мелкие зонные желтого и зеленоватого цветов (76 экз., в т.ч. двойные); 16 пар маленьких полубубенчиков (по вертикали), каждый имеет свое ушко; 2) бусы стеклянные: желтые и зеленые мелкие зонные (33 экз.), рубленные желтые бисеринки (9 экз.), серебряная «лимонка», тройная серебряная пронизка, синие мелкие непрозрачные зонно-цилиндрические (6 экз.), узкая пронизка-трубочка, плоский браслет шириной 9 мм со слегка сужающимися концами, пластинчатый «усатый» перстень, тонкая серебряная пластинка с прямыми сторонами и дирхем Насра ибн Ахмада (914 – 943 гг.) с грубым проволочным ушком [Самоквасов, 1908, с.218; Равдина, 1988, с.41]. В кургане №53 Кветуньского могильника (Брянская обл., Россия) на Средней Десне В.А. Падиным были обнаружены раннегончарный горшок волынцевского типа с прямым венчиком и линейным орнаментом, очелье «из серебряной ленты шириной 3 см с крючочками», маленькое бронзовое кольцо-серьга, три семилучевых серебряных кольца (30 вариант V группы по Е.А. Шинакову – А.Ш.), «серебряная дротовая тордированная гривна с петлей на одном конце и с головкой в виде цветка – на другой», 5 бусин и серебряный дротовый браслет с утолщающимися концами [Падин, 1976, с.206 – 207]. Вероятно, данный комплекс принадлежал южной северянке, переселенной на Десну в конце X – начале XI вв., причём бросается в глаза характерная для древнерусских дружинных центров смесь разноплеменных элементов, когда наряду с южным очельем присутствуют височ-

¹² Интересно отметить отсутствие на гочевских и броваркских «аксельбантах» подвесок-оберегов, обязательно сопутствующих «аксельбантам» из Кветуньского могильника.

ные кольца местного «кветуньского» типа и гривна, аналоги которой М.В. Фехнер считает импортом из Финляндии [Фехнер, 1967, с.59].

Исходя из вышесказанного можно утверждать, что обнаруженные на территории Днепроовского Левобережья погребения с пластинчатыми очельями, вероятно, были совершены в конце X в. (но уже после крещения Руси) – первой четверти XI в.

Эту датировку подтверждает и погребальный обряд гочевских захоронений I группы группы. Из 15 захоронений группы 14 были совершены по обряду ингумации на горизонте и только одно – по обряду кремации. В пяти (30%) погребениях с труположениями присутствуют зола и угли. В двух случаях покойные лежали в гробах, в двух – на деревянной подстилке, в одном – на материке. Из четырех оставшихся ингумаций, в кургане №1 (Рыков 1912) обернутый лубом костяк молодой женщины был захоронен в одной насыпи с частично кремированными телами взрослого мужчины и девочки. Единственная кремация I группы также достаточно любопытна, поскольку похороненная в кургане №58 (Рыков 1912) женщина была сожжена в деревянном гробу, о чем свидетельствует находка трех крупных железных гвоздей с плоскими квадратными шляпками у левого плеча, берцовой кости и у конца ноги [Рыков, 1912, л.108-109].

Т.о., налицо своеобразный переход от язычества к христианству – распространение новых христианских традиций (ингумация, гробы) и приспособление к ним старых языческих воззрений (присутствие в могилах золы и угля, богатый сопроводительный инвентарь, сожжение в гробу) (см. Приложение II).

Группа II (20 комплексов) сочетает пластинчатые очелья и проволочные головные венчики (Д.Я. Самоквасов 1909 г. – №XXXVII, XXXVIII, XXXIX, XL, XLI, XLII, XLIII, XLIV, XLV, XLVI, XLVIII, L, CXIII, CCLX; П.С. Рыков, 1912 г. – №35, 45, 54, 59; В.Н. Глазов 1913 г. – №91; В.Н. Глазов 1915 г. – №32).

Появляющийся в погребениях группы головной венчик («наголовник»), представляет собой перекрученную по всей длине тонкую серебряную проволоку, имеющую форму обруча с заходящими концами, один из которых недалеко от края расплюснен и скатан в трубочку (Рис.7, 2). Диаметр венчика колеблется в пределах 14 – 16 см, толщина проволоки – 0,3-0,5 см, длина назатыльника – 8-10 см, ширина – 5-6 см. Вес хранящихся в фондах КГОМА экземпляров с сохранившимися назатыльниками – от 34,8 до 40,8 (34,8; 36,5; 36,8; 37,5; 38,3; 40,8) граммов. После появления головных венчиков наблюдается исчезновение затылочных височных колец. Вероятно, это было связано с тем, что крепившиеся к ним ранее украшения стали помещать в пластинчатые назатыльники, внутри которых исследователи не раз находили остатки полотняных нитей (Рис.8, 1). Однотипность параметров венчиков и очелей делает возможным предположение о наличии общего стандарта при их изготовлении. Индивидуальная же подгонка под определенный размер производилась при помощи фиксирования концов нитью или лентой.

Если Д.Я. Самоквасов, П.С. Рыков, В.С. Львович и В.В. Хвойко считают венчики головными украшениями, то В.Н. Глазов, В.В. Седов, В.А. Падин и А.А. Моруженко относят «скрученное из серебряного дрота и с широким лотком в виде тонкой трубки» изделие к шейным гривнам [Глазов, 1913, л.12об,13,27,28-28об; Глазов, 1915, л.7об,12,12об; Седов, 1982, с.140; Падин, 1958, с. 226; Моруженко, 1977, с.344]. Действительно, головной венчик практически аналогичен бытовавшим в VIII в. на Днепровском Левобережье гривнам с седловидным завершением (клады у с.Ивахнихи Полтавской губ., 1905 г.; с. Андрияшевки Сумская обл., 2002 г.), также характерным для древностей Латгалии VIII – XI вв. Тем не менее, изображения захоронений в «Дневниках» Д.Я. Самоквасова и П.С. Рыкова убедительно свидетельствуют о нахождении венчика или под черепом, или на нем, причем иногда в непосредственной близости с очельем (Рис.7, 1,3).

Вероятно, очелья и венчики были не просто украшениями, а являлись определенными индикаторами социального положения их обладателей. Некоторые исследователи жестко связывают их с определенными возрастными группами. Так, В.П. Левашева считала, что «находки в Гочеве пластинчатых и проволочных венчиков в могилах девочек под-

тверждают давно уже высказанное исследователями положение, что венчик был головным убором девушек» [Левашева, 1968, с.97]. Однако как раз для Гочевского курганного могильника возрастной признак (особенно в группе II) не является определяющим, так как здесь зафиксированы не только погребения ребенка с не заросшими черепными швами (курган №СХІІІ Самоквасов 1909), но и женщин с детьми (курган №XXXVII Самоквасов 1909; курган №XLIV Самоквасов 1909; курган №60 Рыков 1912) и старух (курган №35 Рыков 1912; курган №106 Рыков 1912;).

Объединяет же все эти захоронения наличие в составе инвентаря каждого из них очелей и (или) венчиков, а также относительно небольшой (конец X – начало XII вв.) период существования этих комплексов. В свою очередь, это может свидетельствовать о принадлежности их владелиц к определенной социальной прослойке, предположительно, занимающей достаточно высокое положение в иерархии местного общества.

Возрастным же индикатором могли служить не отдельные элементы, а общий вид головного убора, полностью закрывавшего голову замужней женщины и оставлявшей непокрытыми волосы девочек и девушек. Вероятно, подобный девичий убор был обнаружен в захоронениях «молодых субъектов» из Ницахского могильника, т.к. Е.Н. Мельник, отмечая в погребении 2 кургана №28 наличие волос, бересты и шелковых шнурков от головного убора, ничего не говорит о присутствии на голове следов или остатков платяного покрова.

Высокое социальное положение захороненных в курганах с комплексами I и II групп женщин подтверждает и богатство их погребального инвентаря. Общий вес стандартного погребального набора серебряных украшений I группы (очелье, несколько перстнеобразных височных колец, перстень, два браслета) достигал 80 граммов, из которых 40 % приходилось на медь и свинец, а 60 % (48 граммов) на серебро. Кроме ювелирных украшений в 12 погребениях I группы было также найдено 1039 бус (в трех захоронениях их количество неизвестно). По мнению Й. Херрманна, одна стеклянная бусина по стоимости соотносилась со шкуркой куницы или 3-х граммовым серебряным дирхемом [Херрман, 1986, с.81]. Если эти расчеты верны, то цена среднего ожерелья I группы составляла 86 дирхемов (258 граммов серебра), а общая стоимость погребального инвентаря достигала 306 граммов серебра. Согласно вычислениям С. Табачиньского, во второй половине X в. на это можно было приобрести 2 лошади (по 150 г), 6 волов (по 50 г) или 30 свиней (по 10 г), а в XI в. – 2 меча (по 125 г), 6 наконечников копий (по 50 г) или 306 ножей [Херрман, 1986, с.80-81]. С появлением головного венчика удельная доля серебра в украшениях II группы повысилась еще на 24 грамма. Таким образом, местная племенная знать не только составляла значительный количественный процент среди гочевской аристократии, но и была достаточно обеспеченной материально, вероятно, за счет участия в торговых операциях на этом участке южнорусской границы.

Согласно Е.А. Шинакову, «венчик с загибом ... появляется в дополнение к очелью где-то в середине XI в.» [Шинаков, 1980а, с.27]. При этом исследователь ссылается на то, что почти полная аналогия крестика «корсунского» типа из сопроводительного детского захоронения в кургане №XXXVII (Самоквасов 1909) была найдена в Новгороде «в ярусе середины XI в. (до 1058 г.)» [Шинаков, 1980а, с.26]. Однако, дату появления головных венчиков можно немного удревнить, отнеся ее ко второй четверти XI в., т.к. согласно более точным данным А.Е. Мусина, этот крест был обнаружен «на Ильинском раскопе (31 – 137) в слое 30 – 40-х гг. XI в.» [Мусин, 2002, с.152].

В комплексах группы присутствуют спиральные (8 в 2 погребениях), семилучевые (4 в 2 погребениях) и проволочные кольцообразные (87 в 19 погребениях) височные кольца. Среди последних 40 экземпляров в 10 погребениях обнаружены на груди, 1 найдено на поверхности кургана, 1 – у ступни, 1 – у левой руки и 44 в 12 погребениях – у черепа. Более детальная локализация местоположения колец у черепа затруднена, но как и раньше, часть их могла использоваться в качестве серег (например, курганы №XXXVII, XXXVIII, CCLX, №35 и др.). Как и в предыдущей группе, комплексы с браслетообразными височ-

ными кольцами на груди практически не пересекаются с комплексами, где височные кольца располагались на голове (Рис.8, 1). Лишь однажды, в кургане №XLIII (Самоквасов 1909), находившееся у головы браслетообразное кольцо с тремя посеребренными бусами (вероятно, серьга) сочеталось с четырьмя браслетообразными кольцами на груди.

Среди кольцеобразных височных колец отмечается тенденция к сохранению процентного соотношения комплексов с височными кольцами у головы и на груди (44 и 40), а вот статус спиральных и семилучевых колец «кветуньского» типа претерпевает очевидные изменения. Эти кольца продолжают носиться, но их местоположение уже, вероятно, не подвергается жесткой регламентации, что может свидетельствовать о постепенном отказе от их употребления.

В ожерельях 19 погребений полностью господствует «гочевский» комплекс из золото- и серебростеклянных бус разных типов, дополненных стеклянными синими прозрачными биконическими, «треугольными» коричневыми с желтыми глазками, лимонovidными пронизками, зонными, зелеными ребристыми, каменными аметистовыми и сердоликовыми (круглыми, призматическими и бипирамидальными) бусами (см. Приложение II). В инвентаре так же присутствуют подвески (монетовидные брактеаты немецких денариев X – XI вв. (8 в 1 погребении, определение Т.В. Равдиной), круглые (2 в 1 погребении) и 1 ромбическая), бубенчики с крестообразными прорезями (6 в 3 погребениях - 5 в 2 погребениях на груди, 1 – у левой руки), перстни (19 в 14 погребениях), серебряные дротовые с расширяющимися концами браслеты (3 в 2 погребениях), «круглая пряжка под черепом» и железные ножи (8 в 8 погребениях). Отмечается уменьшение количества браслетов и сужение их ассортимента, исчезают гривны, «аксельбанты» и ожерелья из зонных бус с бубенчикообразными привесками. Таким образом, в комплексах II группы наблюдается относительное единообразие набора украшений, достигнутое за счёт почти полного исчезновения иноэтничных компонентов. Исключение составляют лишь два захоронения с височными кольцами «кветуньского» типа.

Впрочем, исчезновение комбинированных ожерелий пока чётко фиксируется только для Гочево. В курганном погребении у х. Могилки (близ с. Городное Харьковской обл.) в погребальный инвентарь наряду с очельем и венчиком входила и «низка из бисера и маленьких бубенчиковидных бронзовых подвесок с лунницами» [Моруженко, 1977, с.344].

К сожалению, среди инвентаря II группы нет предметов, являющихся чёткими хронологическими маркерами, поэтому мы постараемся определить время их бытования при помощи анализа сопроводительного инвентаря и погребального обряда, что позволит выделить ряд признаков, характеризующих исторический отрезок, во время которого были совершены погребения II группы:

1) В комплексах группы отсутствует ряд предметов конца X – первой четверти XI в., встречаемых в комплексах I группы, что говорит о более позднем временном отрезке бытования II группы.

2) Фиксируется исчезновение предметов, привозимых в Гочево переселенцами с других территорий Руси (гривны, аксельбанты, некоторые типы браслетов, нанизанные вперемежку с бронзовыми бубенчикообразными привесками ожерелья из зонных желтых и зеленых бус). Возможно, это исчезновение было связано с временным прекращением или затруднением связей с регионами, откуда до этого поступали эти предметы или переселялись их обладатели. Исключение составляют лишь два захоронения с височными кольцами «кветуньского» типа, однако установить, были ли их обладательницы переселены уже во время существования II группы или же просто «донашивали» свои завезенные ранее украшения, на сегодня не представляется возможным.

3) Отмечаются любопытные закономерности в размещении спиральных и семилучевых височных колец. В одном случае 6 спиральных колец были повешены (курган №XLII) прямо на венчик, в другом (курган CXIII) два кольца располагались у девочки около ушей. Три семилучевых кольца в кургане CCLX (Самоквасов 1909) были обнаружены на груди покойной, и лишь в кургане №59 (Рыков 1912) такое же кольцо расчистили

под бревнами погребального костра слева от черепа. Т.е., в трех из четырех случаев спиралевидные и лучевые височные кольца размещались с явным нарушением устоявшихся традиций (надеты на венчик) или на несвойственных им местах (в ушах или на груди), что может свидетельствовать о процессе размыwania жестких норм их ношения и постепенном отказе от их употребления.

4) По сравнению с погребениями I группы возрастает число захоронений, при совершении которых не просто использовались какие-то элементы языческого культа (костры, обсыпание углем и золой), а совершалось непосредственное помещение тела в огонь, что, вероятно, свидетельствует о возвращении какой-то части носителей комплексов II группы хоть и к усеченным, но все-таки языческим верованиям предков. Так, при исследовании трех захоронений (курганы №CCLX Самоквасов 1909, №45 и 59 Рыков 1912) были обнаружены остатки погребальных кострищ из бревен с обугленными костяками на них, причем не превратиться в полную кремацию этим телам не позволило только преждевременное засыпание землей горящего костра. При этом следы гробовищ в этих захоронениях, как это было в кургане №58 (Рыков 1912) I группы не зафиксированы. Ещё в одном кургане II группы (курган №32 Глазов 1915) умершая была положена головой в догорающий костер, отчего затылочная часть ее черепа слегка обгорела. Вероятно, этот языческий «ренессанс» был связан с ослаблением контроля за исполнением населением Гочево христианских обрядов. Впрочем, отказа от новой религии также не произошло. Об этом свидетельствуют два погребения в могильных ямах (правда, над одним из них родственники развели несколько костров и соорудили очень большой курган), а также присутствие в составе погребального инвентаря основного и сопроводительного захоронений кургана №XXXVII (Самоквасов 1909) креста и монетовидных брактеатов с христианской символикой.

На взгляд автора, все отмеченные особенности могут быть привязаны к одному из определённых периодов в истории Днепровского Левобережья – времени правления в Чернигове князя Мстислава Владимировича (1024 – 1036 гг.).

Как известно, северяне выступили в разгоревшемся между Ярославом и Мстиславом конфликте на стороне последнего, а присутствие их ополчения на поле боя у Лиственна в 1024 г. сыграло решающую роль, дав возможность Мстиславу разгромить по частям войско своего брата и одержать блестящую победу. Конфликт между сыновьями Владимира I закончился подписанием Городцовского мира (1026 г.) и разделом княжества по Днепру, после чего «затихли усобица и мятеж, и была тишина великая в стране».

Раздел страны привёл к прекращению притока колонистов из регионов, оставшихся под властью Ярослава. Вероятно, в это же время был урегулирован и печенежский вопрос, т.к. летопись не отмечает ни одного конфликта Мстислава с кочевниками, обрушившимися на Киев только после его смерти в 1036 г. Снижение напряженности на границе могло позволить Мстиславу или вообще прекратить переброску людских ресурсов на южные границы своего княжества, либо значительно минимизировать её. В Гочево отражением всех этих процессов и стало отсутствие чуждых для местных жителей украшений.

Можно так же предположить, что во время переговоров с северянами перед Лиственской битвой 1024 г. Мстислав был вынужден заключить с ними какое-то соглашение, предоставляющее северянам определенную автономию, следствием которой и было возрождение частью гочевских северян практики частичного сжигания своих умерших. Особенно ярко это видно на фоне единственного частичного трупосожжения I группы.

На более поздний временной отрезок существования комплексов II группы указывает и факт постепенного отказа от употребления носительницами II группы племенных височных колец (спиральных и лучевых) и появление нового типа головного украшения (венчика), знаменующих новый этап эволюционного развития южносеверянского комплекса украшений.

Группа III (15 комплексов) содержит только головные венчики (Д.Я. Самоквасов 1909 г. – XLVII, LI, LII; П.С. Рыков, 1912 г. – 60; С. Львович 1913 г. – 28, В.Н. Глазов 1913 г. – 5, 7, 100, 101; В.Н. Глазов 1915 г. – 10, 35, 36, 57, 79, 81).

В группе III спиралевидные и лучевые височные кольца полностью отсутствуют. 59 проволочных кольцеобразных (29 браслетообразных в 7 погребениях, 6 перстневидных в 1 погребении, размеры 24 в 4 погребениях не установлены) колец было найдено в 12 погребениях, из них 53 в 10 погребениях обнаружены у висков и только 6 в 2 погребениях на груди. В состав погребального инвентаря III группы входят также бусы (13 погребений – стеклянные одно- и многочастные зонные желтые, зеленые, синие, коричневые; золото- и серебростеклянные цилиндрические и боченкообразные; сердоликовые «крупная миндалевидная гранчатая» и «продолговатая гранчатая»; «глиняные»), привески (бубенчикообразные, 4 лунницы и 1 крестообразная), бубенчики с крестообразными прорезями (4 в 1 погребении), 1 «аксельбант» с 6 бубенчиками, перстни (6 в 6 погребениях), браслеты (4 в 3 погребениях, дротовые с расширяющимися концами и пластинчатый неорнаментированный), железные ножи (4 в 3 погребениях), 2 пряслица (1 погребение), пуговица, костяной кистень и 2 гривны (тордированная железная и серебряная (?) с «расширяющимися концами и квадратными головками на концах»).

Комплексы гочевских украшений III группы говорят о значительных изменениях, выразившихся в исчезновении из погребального костюма взрослой женщины спиралевидных¹³ и семилучевых височных колец, отказе от очелий и практики размещения браслетообразных колец на груди, возвращении гривен, «аксельбантов» и ожерелий из мелких зонных желтых, зеленых и коричневых бус с бубенчикообразными подвесками. Изменения не коснулись лишь головного венчика. Погребения с его присутствием кроме Гочево были обнаружены в Глинске (курган №1 группа 2), Броварках (3 захоронения) и Горнале (курган №11). Интересно отметить, что в если в Глинске и Броварках венчики сопровождались спиральными кольцами, то в Горнале это украшение найдено вместе с узелковым височным кольцом и височным кольцом с эсвидным завершением [Самоквасов 1908: 214-215], являвшемся характерным украшением западных славян и населения Киевского Правобережья.

Погребальный обряд гочевских комплексов III группы также весьма показателен. Господствует ингумация на горизонте (12 погребений), причем четко видна тенденция к отмиранию традиции жечь костры и обсыпать тело умершего золой. Только в кургане №100 (Глазов 1913) тело лежало на «тонкой золистой подстилке», а в кургане №7 (Глазов 1913) погребенную кремировали. Впрочем, в последнем случае погребальный инвентарь (ожерелье с бубенчикообразными привесками и «аксельбант») может свидетельствовать о принадлежности его обладательницы к радимичскому племенному союзу. Одно захоронение группы (курган №101 Г 1913) было совершено в могильной яме.

Датировать левобережные захоронения с головными венчиками помогает перстнеобразное височное кольцо с узловатыми проволочными бусами, обнаруженное Д.Я. Самоквасовым в горнальском кургане №11 (Самоквасов 1872). На территории области известно ещё три находки подобных украшений – в кургане №80 Липинского могильника [Засурцев, 1949б. Л.28-29], в гочевском кургане №СХХVIII [Дневник, 1915. С.33] и горнальском кургане №8 [Самоквасов, 1908. С.214]. Однако, если захоронение с трёхбусинным «узелковым» кольцом из Липино широко датируется В.В. Енуковым XI вв. [Енуков, 1992. С.194], то аналогичные украшения из погребений на юге Курской области уверенно относятся ко второй трети XI – началу XII вв. Так, в горнальском кургане №8, вместе с узелковым кольцом присутствовала серебряная монета епископа Бернольда (город Гренинген, 1027 – 1054 гг.), в гочевском кургане №СХХVIII узелковое кольцо соседствовало с одним крестопрорезным и двумя однощелевыми бубенчиками. Ещё одним хронологическим ин-

¹³ Превратившись в принадлежность детского костюма, этот тип украшений доживает в Гочево до конца XI в., о чем свидетельствуют два захоронения девочек из курганов ХСVII и СХХIII (С 1909) в которых височные спиральные кольца соседствуют с железными тордированными гривнами.

дикатором для группы с головными венчиками является обнаруженная в гочевском кургане №60 (Рыков 1912) железная тордированная гривна (Рис.8, 2). Согласно М.В. Фехнер, поздние разновидности этого типа украшений по совместным находкам с западноевропейскими монетами середины и второй половины XI в. и решетчатыми перстнями, датируются концом XI или даже началом XII вв. [Фехнер, 1967, с.62-63].

Таким образом, комплексы с головными венчиками могут предположительно относиться к тому периоду, когда после смерти Мстислава Владимировича в 1036 г. Днепровское Левобережье вновь возвращается под власть Ярослава Мудрого (до 1054 г.) и его сыновей – Святослава Черниговского и Всеволода Переяславльского. Начало этого периода знаменуется новыми массовыми переселениями в южные районы бывшей Северской земли колонистов из подвластных великому князю районов, постепенным отмиранием языческих пережитков в погребальном обряде местного населения и окончательной культурной и политической ассимиляцией потомков летописной «северы».

Возможно, что начальный этап вторичного утверждения Ярослава Мудрого на Днепровском Левобережье мог сопровождаться какими-то репрессиями по отношению к части местных жителей. Предполагать это позволяет численность погребений II группы в Гочево, показывающая значительный всплеск количества погребенных по сравнению с захоронениями предшествующего и последующего периодов (I группа (конец X – первая четверть XI вв.) – 15 погребений, II группа (1024 – 1036 гг.) – 20 погребений, III группа (1036 г. – начало XII в. – 15 погребений).

Существование головного венчика прослеживается в комплексах Днепровского Левобережья вплоть до начала XII в. Вероятно, тогда же в районах лежащих южнее Сейма завершается бытование последних археологически уловимых украшений связанных с эволюцией южносеверянского погребального головного убора, а материальная культура обитателей Днепровского Левобережья становится полностью идентична древнерусской.

Приложение I

Типы бус группы I, II, III Гочевского курганного могильника

№ кургана	Кольцеобразные	Зонные одно- и многочастные	Синие прозрачные биконические	Цилиндрические одноцветные	Зонные орнаментированные	Рёбристые цилиндрические	«Треугольные»	Синие белоромбические	Лимонovidные пронизки	Зонные золото- и серебростеклянные	Цилиндрические с наклонной винтовой нарезкой	Рёбристые цилиндрические золото- и серебростеклянные	Цилиндрические золото- и серебростеклянные	Боченкообразные золото- и серебростеклянные	Тип золото- и серебростеклянных бус неизвестен	Сердоликовые бипирамидальные	Сердоликовые прямоугольная «гранчатая»	Сердоликовая зонная	Сердоликовая круглая	Сердоликовая призматическая
Группа I (очелья)																				
LVI		+											+	+		+				
LXXIII		+					+		+				+	+		+				
LXXVI		+										+	+							
LXXXI													+							
LXXXII													+							
LXXXV																				
I P12		+		+				+												
41 P12		+	+	+	+															
44 P12		+				+								+						
58 P12										+			+	+		+				
68 P12							+				+		+	+						

106 P12														+					
13 Л13																			
13 Г13		+							+										
39 Г13		+						+											
Группа II (очелья и венчики)																			
XXXVII		+										+	+		+				+
XXXVIII												+	+		+		+		
XXXIX	+	+		+				+				+	+		+				
XL														+					
XLI												+	+						+
XLII		+										+	+						
XLIII			+									+	+						
XLIV												+	+						
XLV						+					+	+	+			+			+
XLVI		+										+	+						
XLVIII												+	+						
L												+							
CXIII															+				
CCLX																			
35 P12												+	+						
45 P12																			
54 P12													+						
59 P12												+	+					+	
91 Г13									+			+							
32 Г15																			
Группа III (венчики)																			
XLVII												+	+						
LI																			
LII												+							
60 P12								+				+	+						
28 Л13																			
5 Г13		+												+					
7 Г13		+																	
100 Г13									+					+					
101 Г13									+			+		+		+			+
10 Г15												+	+			+			
35 Г15														+					
36 Г15		+										+	+						
57 Г15		+																	
79 Г15		+										+							
81 Г15														+					

Приложение II

Типы погребального обряда в захоронениях I, II и III групп Гочевского могильника

Комплекс I (очелья)			Комплекс II (венчики и очелья)				Комплекс III (венчики)			
1	2	3	1	2	3	4	1	2	3	4
58	41	LVI	CCLX	54	XXXVII	XLV	7	100	XLVII	101
	44	LXXIII	45		XXXVIII	35			LI	
	68	LXXVI	59		XXXIX				LII	
	106	LXXXI	32		XL				60	
	39	LXXXII			XLI				5	
		LXXXV			XLII				10	
		1			XLIII				35	
		13			XLIV				36	
		13			XLVI				57	

					XLVIII				79	
					L				81	
					CXIII				28	
					91					
1	5	9	4	1	13	2	1	1	12	1

1 – кремация частичная или полная; 2 – ингумация на горизонте с кострами или золой около тела; 3 – ингумация на горизонте; 4 – ингумация в могильной яме

Литература

- Алексеев В.П.** Происхождение народов Восточной Европы. М., 1969.
- Глазов В.Н.** Отчет о раскопках Гочевского могильника в 1915 г. // Рукописный архив ИИМК. Ф.1. Д.93 за 1915 г.
- Дневник** раскопок в окрестностях с.Гочева, Обоянского уезда, Курской губернии, произведенных проф. Д.Я. Самоквасовым в августе 1909 г. М., 1915.
- Засурцев П.И.** Описание находок. Липинские курганы. 1949 г. // НА КГОМА. VI-23
- Каталог** выставки XII Археологического съезда в г.Харькове. Харьков, 1902.
- Левашева В.П.** Венчики женского головного убора из курганов X – XII вв. // Славяне и Русь. М., 1968.
- Магура С.** Археологічні досліді на Сумщині року 1929-го // Хроніка археології та мистецтва. Ч.І Київ, 1930.
- Мельник Е.Н.** Раскопки курганов в Харьковской губернии 1900 – 1901 гг. // Труды XII Археологического съезда в Харькове. 1902 г. Т.І, М., 1905.
- Моруженко А.А.** Исследования в бассейне Ворсклы // АО 1976 года. М., 1977.
- Мусин А.Е.** Христианизация Новгородской земли в IX - XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности. Спб., 2002.
- Орлов Р.С.** Серебряные украшения северян Курского Посемья // Проблемы ранньослов'янської і давньоруської археології Посей'мя. Білопілля, 1994.
- Отчёт** ИАК за 1913 - 1915 годы. Петроград, 1918.
- Падин В.А.** Материалы из раскопок Кветуньских курганов X-XIII вв.// СА. 1958. - №2
- Падин В.А.** Кветуньский древнерусский могильник // СА. 1976. - №1
- Раскопки** Е.Н. Мельник близ с.Ницахи Ахтырского у. // Каталог выставки XII Археологического съезда в г. Харькове. Харьков, 1902.
- Равдина Т.В.** Погребения X - XI вв. с монетами на территории Древней Руси. Каталог. М., 1988.
- Рыков П.С.** Дневник раскопок курганного могильника близ Городища с. Гочева Обоянского уезда Курской губернии, произведенных на средства Императорской археологической комиссии в июне – июле 1912 г. // Рукописный архив ИИМК. Ф.1. Д.116 за 1912 г.
- Сабурова М.А.** О женских головных уборах с жесткой основой в памятниках домонгольской Руси // КСИА. Вып. 166. М., 1975.
- Самоквасов Д.Я.** Могила Русской земли. М., 1908.
- Седов В.В.** Восточные славяне в VI - XIII вв. // Археология СССР, М., 1982.
- Фехнер М.В.** Шейные гривны // Очерки по истории русской деревни X - XIII вв. Труды ГИМа. Вып.43. М., 1967.
- Халиков А.Х., Безухова Е.А.** Материалы к древней истории Поветлужья. Горький, 1960.
- Хвойко В.В.** Раскопка могильника при с.Броварки, Гадячского уезда, Полтавской губ. // Труды Московского археологического общества. Древности. Т.XX. Вып. II. М., 1904.

Херрман Й. Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы. М., 1986.

Шинаков Е.А. 1980а. Население междуречья Десны и Ворсклы в конце X – конце XIII века // Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. На правах рукописи. М. 1980.

Шинаков Е.А. 1980б. Классификация и культурная атрибуция лучевых височных колец // СА. 1980. - №3.

Шинаков Е.А. “Восточные территории” Древней Руси в конце X – начале XIII вв. (этнокультурный аспект) // Археология славянского Юго-Востока. Воронеж, 1991.

Шпилев А.Г. Курские клады куфических монет и северянское Посеймье // Куликово поле. Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. Т. I. Тула, 2003.

Шпилев А.Г. Погребения с головными венчиками и очельями как показатели этнокультурных и политических процессов на Верхнем Псле в XI в. (по материалам Гочевского курганного некрополя) // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII – XIV вв. Тула, 2005.

Шпилев А.Г. Лучевые и лопастные височные кольца Курского края (вторая половина IX – начало XIII вв.) // Курский край в эпоху раннего металла и средние века. Курск, 2008 (в печати).

Щапова Ю.Л. Стекло Киевской Руси. М., 1972.

Щапова Ю.Л. Византия и Восточная Европа. Направление и характер связей в IX – XII вв. (по находкам из стекла) // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. М., 1991.

Сведения об авторе

Шпилев Андрей Геннадьевич – ученый секретарь Курского государственного областного музея археологии.

С 1988 г. принимает участие в исследовании археологических памятников на территории Курской области.

Область научных интересов: курские клады и кладоискатели, одежда и комплекс украшений населения Курского края в X – XIV вв.

Соавтор трех монографий и автор более 30 научных и научно-популярных работ, затрагивающих различные аспекты истории Курского края.

305001 г.Курск, ул. Пионеров, д.6

Курский государственный областной музей археологии

тел. (4712) 54-91-94 (рабочий)

e-mail: kgoma@pochta.ru

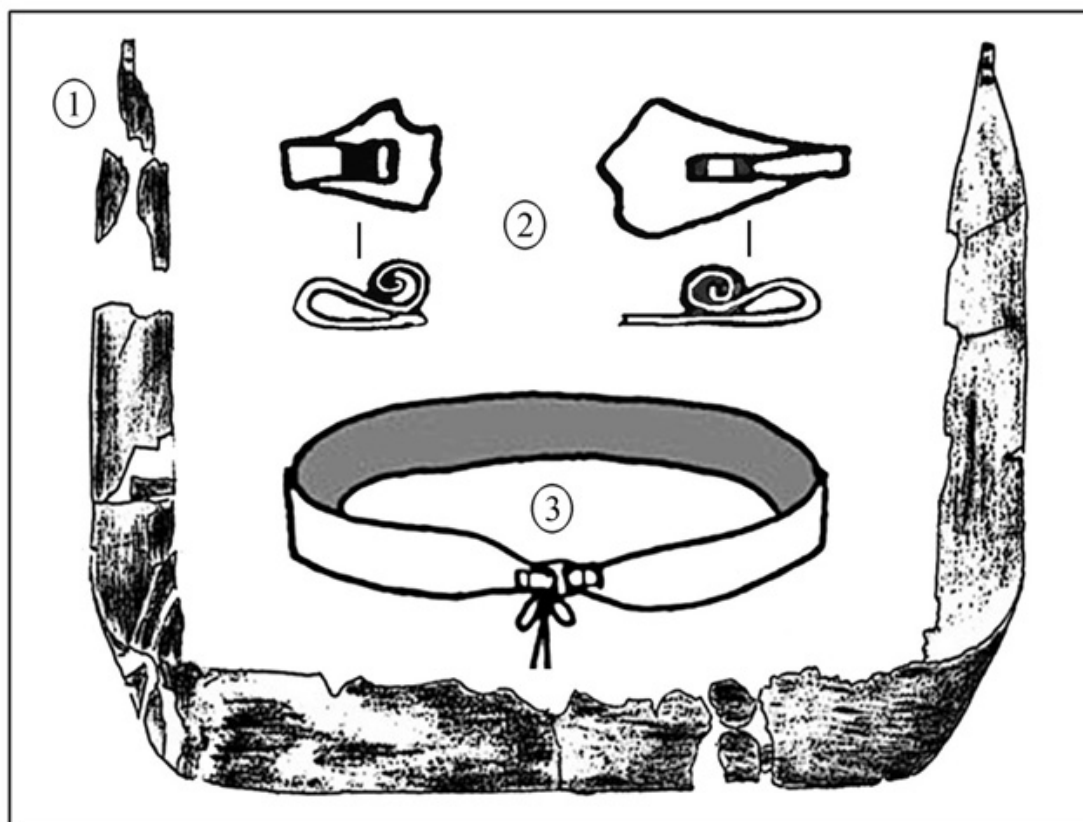

Рис.1

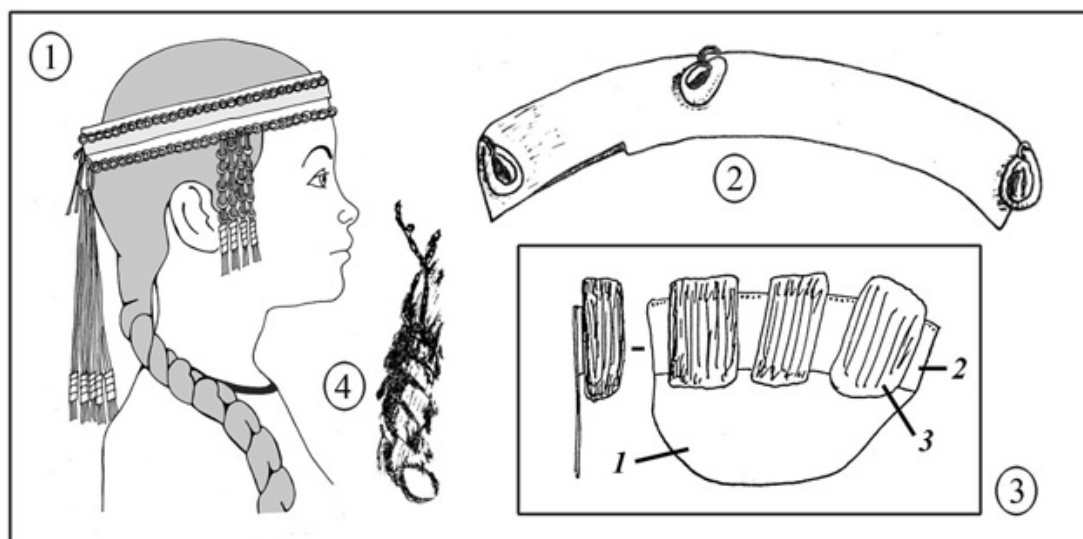

Рис.2

Рис. 1. 1 – Очелье из кургана №LXXXI. Гочевский курганный могильник. Раскопки Д.Я. Самоквасова (Атлас..., 1915. Табл. XXXVII); 2 – Окончания крючконочных очелей (Шинаков, 1980б. Табл. LXIV); 3 – Способ фиксации очелья. Реконструкция.

Рис. 2. 1 – Комплекс украшений из погребения 2 кургана №28. Раскопки Е.Н. Мельник. 1902 г. Ничахский могильник. Реконструкция А.Г. Шпилева; 2 – Очелье. Фрагмент. Броварский могильник. Раскопки В.В. Хвойко. Прорисовка Е.А. Шинакова (Шинаков, 1980б. Табл. LXXXI); 3 – Очелье. Фрагмент. Липинский могильник. Раскопки П.И. Засурцева. Прорисовка П.И. Засурцева (Засурцев, 1949). 1-кожаная подкладка, 2-фрагмент очелья, 3-куски дерева, возможно, от гроба.; 4 – Фрагмент перетянутой узелком кисточки шелковых ниток. Гочевский могильник. Кургan №LVI. Раскопки Д.Я. Самоквасова (Атлас... Табл. XXVIII).

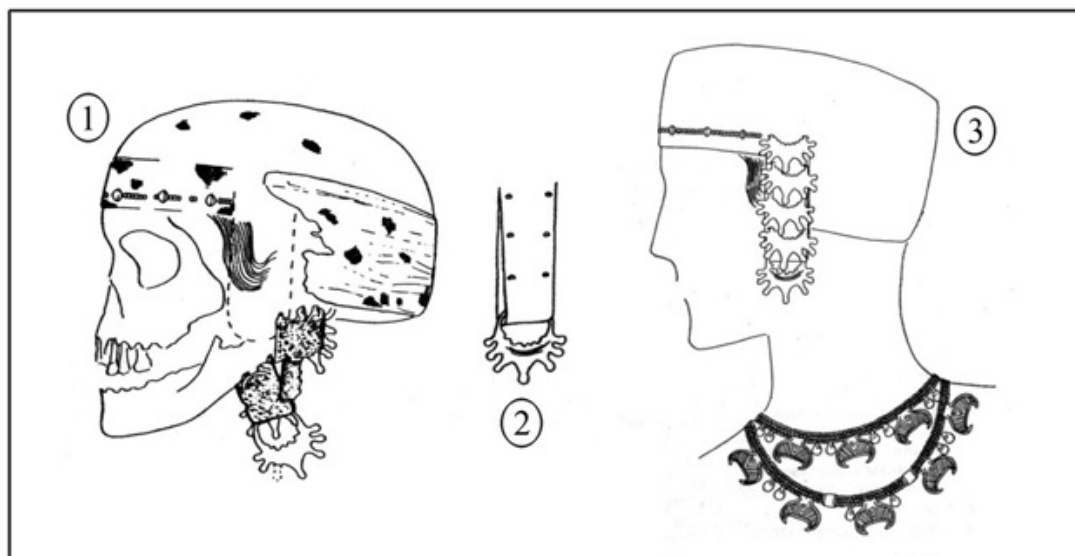

Рис.3

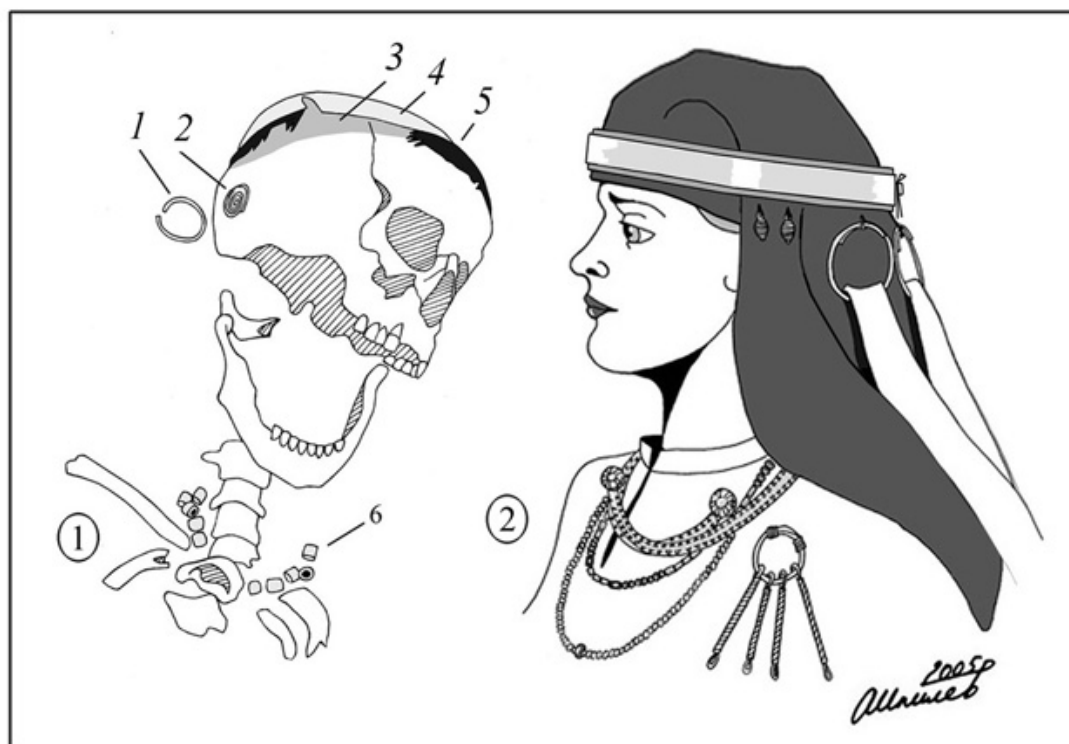

Рис.4

Рис. 3. 1 – Фрагменты головного убора на черепе из кургана №1 близ с.Юдичи Гомельской обл. (Белоруссия); 2 – Способ крепления височных колец; Реконструкция Головной убор. Реконструкция М.А. Сабуровой (Сабурова, 1975. Р.1,2).

Рис. 4. 1 – Погребение из могильника «Песчаная дача» у г.Сум (Украина). Раскопки С. Магуры. Экспозиция Сумского краеведческого музея. Схематическая прорисовка А.Г. Шпилева. 1-браслетообразное кольцо, 2-спиралевидное кольцо, 3-след окислов от очелья; 4-очелье, 5-остатки головного убора из ниток бордового цвета, 6-золотостеклянные бусы; 2 – Комплекс украшений погребения 3 кургана №1 (Гочевский могильник). Раскопки П.С. Рыкова. Реконструкция А.Г. Шпилева.

Рис. 5

Рис. 5. 1 – Вещевой комплекс Жидеевского клада; 2 – Комплекс украшений Жидеевского клада. Реконструкция А.Г. Шпилева.

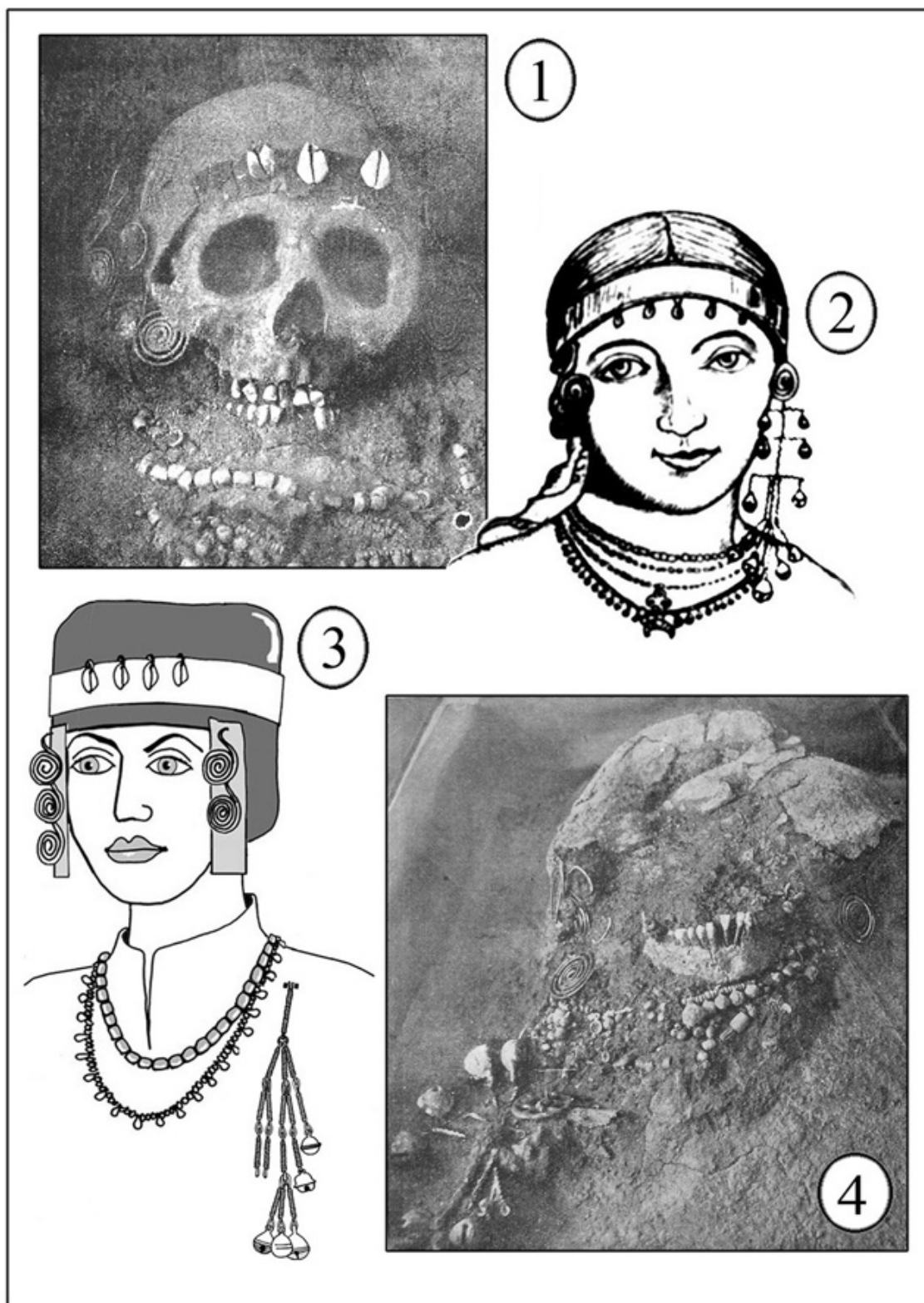

Рис. 6

Рис. 6. 1 – Погребение из кургана №5. Броварский могильник. Фотография В.В. Хвойко (Хвойко, 1904); 2 – Комплекс украшений из кургана №5. Дореволюционная реконструкция; 3 – Комплекс украшений из кургана №5. Реконструкция А.Г. Шпилева. Внешний вид аксельбанта по прорисовке Е.А. Шинакова (Шинаков, 1980б. Табл.LXXXI); 4 – Погребение из кургана №4. Броварский могильник. Фотография В.В. Хвойко (Хвойко, 1904).

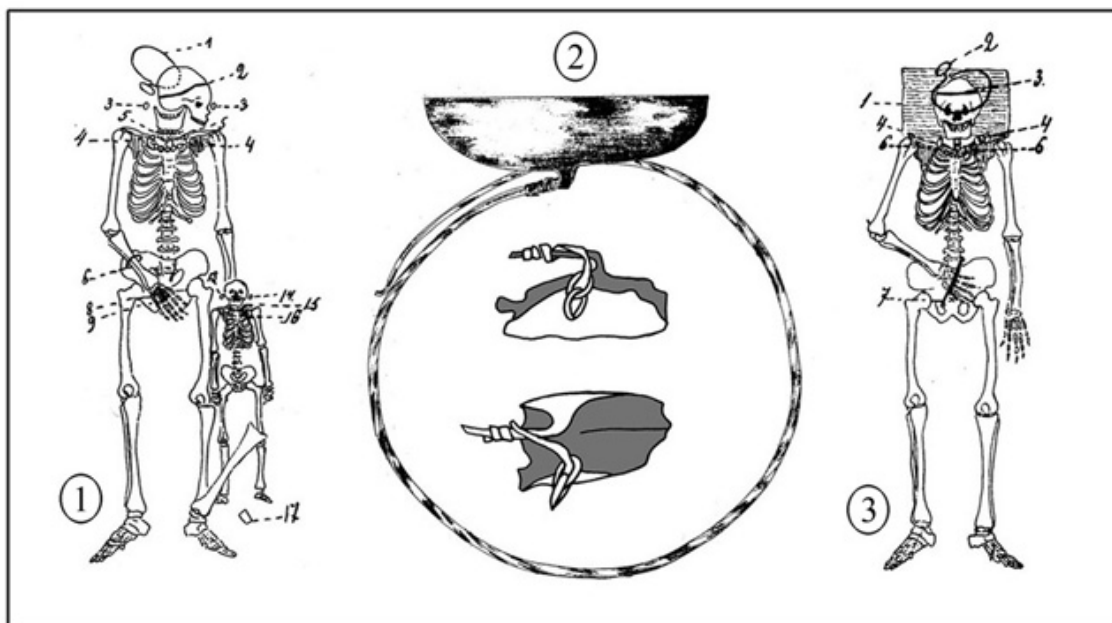

Рис. 7

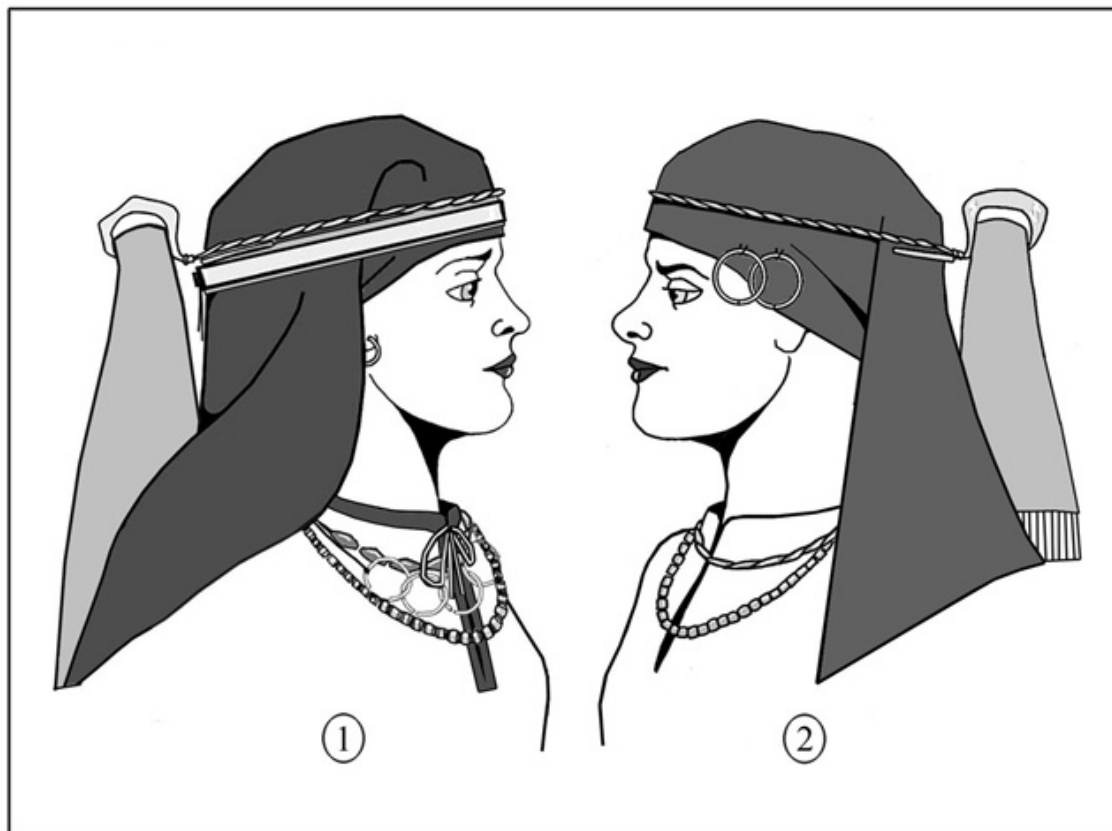

Рис.8

Рис. 7. 1 – План захоронения из кургана XXXVII. Гочевский могильник. Раскопки Д.Я. Самоквасова. (Дневник..., 1915. С.14); 2 – Головной венчик из кургана №XLVII. Гочевский могильник. Раскопки Д.Я. Самоквасова (Атлас..., 1915. Табл. XXIV). Способ крепления назатыльника к венчику. Прорисовка А.Г. Шпилева; 3 – План захоронения из кургана №XXXIX. Гочевский могильник. Раскопки Д.Я. Самоквасова (Дневник..., 1915. С.15).

Рис. 8. 1 – Комплекс украшений II группы (Гочево). Кургan №XXXVIII (Гочевский могильник). Раскопки Д.Я. Самоквасова. Реконструкция А.Г. Шпилева.

2 – Комплекс украшений III (Гочево) группы. Кургan №60 (Гочевский могильник). Раскопки П.С. Рыкова. Реконструкция А.Г. Шпилева.